

Инна Никитина

Kristina Gedgaudaitė. Memories of Asia Minor in Contemporary Greek Culture. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021. xvi + 236 pp. ISBN 9783030839352.

Инна Никитина, факультет антропологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия. solreune@gmail.com.

Кристина Гедгаудайте – молодая исследовательница-неоэллинист. Ее книга посвящена тому, как в современной Греции живут воспоминания о великой потере страны – о Малой Азии. Несмотря на то, что вся монография написана про память о конкретных исторических событиях, параграф под названием «Исторический контекст» появляется только в середине второй главы. В отличие от автора рецензируемой монографии, я бы хотела прояснить контекст в самом начале. Малая Азия (Μικρά Ασία), она же Анатолия¹, – это полуостров, составляющий большую часть современной Турции. К XIV веку Византия потеряла большую часть своих владений в Анатолии. После захвата Константинополя османами и падения Византийской империи в XV веке, уже весь полуостров стал территорией Османской империи, впоследствии – Турецкой Республики. При этом греки продолжали оставаться значимым этническим меньшинством в империи вплоть до начала XX века, когда и случились события, называемые на греческом языке не иначе как «Катастрофа» (Καταστροφή).

«Малоазийская катастрофа» (Μικρασιατική Καταστροφή) – термин, под которым в греческой историографии понимают завершающий этап Второй греко-турецкой войны² 1919–1922 годов: военную неудачу Греции в Малоазийской военной кампании, сожжение Смирны, геноцид христиан в Османской империи, принудительный обмен населением между Грецией и Турцией. Самым ярким символом этой катастрофы стала Резня в Смирне в 1922 году: в город вошла турецкая армия во главе с Ататюрком, христианские кварталы были подожжены, греческое и армянское население массово убивали, насиловали, пытали. Мужчин забирали в трудовые батальоны. Множество людей погибло в попытках спастись из горящего города по воде. Финальным этапом поражения стало подписание Лозаннского мира в 1923 году, по условиям которого между Грецией и Турцией производился обмен населением. Оставшиеся в Турции христиане должны были покинуть ее территории и отправиться в Грецию (за исключением жителей Константинополя и островов Имврос и Тенедос), в то время как Греция высылала мусульман в Турцию. Эти события ознаменовали собой конец трехтысячелетнего малоазийского эллинизма и крушение надежд Греции, крушение «Великой идеи» (Μεγάλη Ιδέα) – на-

¹ В византийское время Ανατολή (букв. «восток», «восход»), позднее – Ανατολία. Греческое название стало и турецким, но, как это водится, с фонетическими искажениями: Anadolu.

² Такое название она носит в «нейтральной» историографии. В Греции эти военные действия называют «Малоазийский поход» (Μικρασιατική εκστρατεία). В турецкой историографии те же события логически встраиваются в нарратив о войне за независимость.

ционалистического проекта по приобретению земель, некогда входивших в состав Византии и населенных греками (Петрунина 2010:323–326).

Монография Кристины Гедгаудайте состоит из семи глав, каждая из которых, по задумке автора, должна раскрывать определенный аспект культурной памяти о трагических событиях в Малой Азии. Если первые две главы призваны погружать читателя в контекст и методологию исследования, то в главах с третьей по шестую рассматриваются отдельные «кейсы», имеющие отношение к памяти о Малой Азии в современной Греции (с 2006 по 2016 год). Так, третья глава посвящена скандалу, потрясшему греческое общество из-за трактовки малоазийских событий в учебнике истории, четвертая – комиксу о путешествии потомка переживших Катастрофу в некогда греческий, а ныне турецкий город Айвали, пятая – современной пьесе «Моя любимая Смирна», шестая – восприятию в прессе событий миграционного кризиса в Греции и проведению аналогий между 1922 и 2015 годами. Седьмая глава завершает «маршрут», суммируя все сказанное.

Первая глава задумана автором как своего рода предисловие и экспозиция к повествованию. В этой небольшой лоскутной главе Гедгаудайте крупными штрихами показывает динамику культурной памяти о Малой Азии в разные десятилетия. Некоторые наблюдения автора при этом остаются в дисциплинарном вакууме, не помещаясь в контекст исследований памяти. Например, Гедгаудайте пишет: «Поразительно, но термин “сказка” (fairytale) часто применялся по отношению к рассказам о событиях в Малой Азии» (с. 2)³. Она приводит два примера: из романа «Спокойствие» (греч. «Γαλήνη») Илиаса Венезиса, важнейшего греческого автора малоазийского происхождения, и из устных показаний грека, пережившего Катастрофу, записанных Центром Малоазийских исследований. Фреймирование травматичного опыта как «сказки», мифологизация рассказов о нем и приобретение этими нарративами фольклорных черт – феномены, хорошо описанные на примере рассказов о Холокосте (см., например, Codde 2009; Hunter 2013). К сожалению, Гедгаудайте не ссылается на работы коллег по цеху *memory studies* и не вписывает свои примеры в более широкий контекст.

Вторая глава предлагает знакомство с основными терминами и концептами *memory studies* и с историческим контекстом событий в Малой Азии. В теоретическом подпараграфе Гедгаудайте ссылается на основной пантеон *memory studies*: Мориса Хальбвакса, Яна и Алейду Ассман, Пьера Нора, Марианну Хирш. Она пишет о важных для ее анализа концептах из дисциплинарного поля исследований памяти: постпамять, коммуникативная память, культурная память, культурная травма и др. Тот факт, что исследования памяти в большей степени выросли из исследований Холокоста, играет на руку книге Гедгаудайте об историческом событии, травмировавшем целую нацию. Сама автор отмечает, что концептуальная рамка «поколения постпамяти» Марианны Хирш (Hirsch 1997), изначально разработанная на примере потомков, переживших Холокост, хорошо применима к поколениям потомков греков, переживших Катастрофу.

³ Все цитаты с английского и греческого языков переведены автором рецензии.

В третьей главе в деталях разбирается скандал, произошедший, по сути, из-за одного слова в школьном учебнике. В 2006 году в Греции увидел свет новый учебник истории для шестых классов, который вызвал волну общественного недовольства: «Учебник обвиняли в идеализации Османской империи, преуменьшении роли церкви во время Греческой войны за независимость, изображении войны как далекого и незначительного события, а также в замалчивании геноцида христиан в Османской империи» (с. 65). Знаком этого недовольства стало одно слово – *συνωτόριος*, которое можно перевести как «столпотворение». Та самая одиозная цитата из учебника, содержащая это слово, относится к событиям в Смирне: «27 августа 1922 года турецкая армия входит в Смирну. Тысячи греков столпились (*synostizontai*) в порту, пытаясь попасть на лодки и уплыть в Грецию» (цит. по: с. 69). Греками это описание событий было воспринято как неадекватное, несоответствующее «действительно произошедшему»: то, что трагедия в Смирне была названа «столпотворением», сочли попирающим национальную гордость.

Гедгаудайте брала интервью у историка Марии Репуси, стоявшей во главе комиссии по созданию того самого учебника. Репуси призналась, что они хотели избежать «эмоционально окрашенных» слов в учебнике, и потому получилось то, что получилось. Учебник обвиняли во всех смертных грехах (включая отрицание Холокоста), в ненависти к нему сошлись правая партия «Неа Демократия» и неонацистская «Хриси Авги», которая даже устроила показательное сожжение учебника на главной площади Афин. В этой главе Гедгаудайте приводит много выдержек из прессы и публикаций в интернете, посвященных обсуждению «столпотворения». Она фреймирует практики осуждения учебника как «параноидальное чтение» (*paranoid reading*) (термин Ив Кософски Сэдживик), направленное на постоянный пристальный поиск в каждом явлении негативных сторон. Изначальная подозрительность и критическая расположенность, свойственные «параноидальному чтению» истории среди греков, по мнению Гедгаудайте, являются одной из ярких сторон культурной памяти о Малой Азии. Действительно странно, что на страницах книги, и в этой главе в особенности, практически не появляются термин «национализм» и размышления о нем, ведь Малоазийская катастрофа и сопутствующие ей события занимают огромное место в греческом националистическом дискурсе.

Следующая, четвертая, глава посвящена анализу (по большей части – попытке литературной интерпретации) комикса «Айвали» («*Aivali*») Андониса Николопулоса, известного под псевдонимом Solour. Комикс посвящен «путешествию-возвращению» (*the journey of return*) третьего поколения памяти. Гедгаудайте отмечает, что для внуков посещение мест, где старшие родственники пережили травму, во многом является «поиском идентичности». Обе бабушки Николопулоса были из Малой Азии, и герой его комикса предпринимает путешествие в турецкий Айвалык, некогда бывший греческим городом Айвали.

Легитимируя рассмотрение «Айвали» в рамках литературы, автор прибегает не только к классическим примерам широко признанных графических романов, таких как «Маус» Арта Шпигельмана (получивший Пулитцеровскую премию) и «Персеполис» Маржан Сатрапи, но и к довольно странным аргументам. Так, напри-

мер, она пишет, что комикс «Айвали» «в значительной степени опирается на литературную традицию, используя отрывки из четырех литературных произведений, чтобы рассказать свою историю» (с. 101). Soloup использует в своем комиксе отрывки из работ Илиаса Венезиса и Фотиса Кондоглу – двух греческих авторов, происходящих из самого Айвали. Однако дословное инкорпорирование текстов других писателей в свое творчество вряд ли можно назвать «опорой на литературную традицию». Возможно, со мной согласились бы подавшие иск против автора комикса и издательства внуки Фотиса Кондоглу, которые сочли, что графическое произведение «глубоко оскорбляет работы⁴ Фотиса Кондоглу, как литературные, так и живописные» (Ράλλη 2015) – Кондоглу был также иконописцем.

Страницы, посвященные легитимности комикса как литературного жанра и истории (довольно скудной) комиксов в Греции, предваряют культурологический анализ произведения Николопулоса. И если в случае с учебником истории (и другими кейсами этой книги) масштаб дискуссий был вполне понятен, то для читателя этой главы остается загадкой, как много греков на самом деле знакомы с комиксом «Айвали». Можем ли мы в полной мере назвать культурной и коллективной ту память, которая отражена на его страницах? Как мне видится, это довольно нишевое произведение, нацеленное на определенную немногочисленную аудиторию, и его место в процессах памяти о Катастрофе в Греции, вероятно, не слишком велико и не слишком репрезентативно.

Пятая глава посвящена пьесе «Моя любимая Смирна» («Σμίρνη μου αγαπημένη», 2014). Пьесу написала, поставила и сыграла в ней главную роль Мими Дениси – гречанка не малоазиатского происхождения. В произведении рассказывается история греческой Смирны через призму истории одной состоятельной семьи. Гедгаудайте пишет: «Смирна так часто играла главную роль в истории об утраченной родине, что она закрепилась в воображении греков как тесно связанная с определенными означающими: плавильный котел культур, дух праздника, смесь вкусов, запахов и цвета, богатство греческого народа, заклинания и суеверия, звук ребетико, и, конечно же, Пожар в Смирне» (с. 143). Почти все эти характеристики закрепились и применительно к Константинополю, но в целом наблюдение очень точное. Гедгаудайте развивает его в метафоре «переносной Смирны» (portable Smyrna), расширяя термин «переносной монумент» (portable monument) Энн Ригни. Таким образом, «карманная Смирна» здесь – это «мифологизированная версия города, которая приобрела свои значения благодаря постоянному воспроизведению» (с. 158).

Гедгаудайте рассказывает, как перед одним показом пьесы разговорилась с соседом, сидевшем в том же ряду. На ее вопрос, зачем он пришел на спектакль, мужчина ответил: «Моя мама любит Дениси. Мы ходили смотреть многие из ее пьес. И сама тема, Малая Азия, нравится грекам. В ней много элементов, много драмы; поэтому, я думаю, она нам и нравится» (с. 147). Этот ответ кажется мне, во-первых, очень честным, а во-вторых, крайне показательным для понимания

⁴ К сожалению, в неточном переводе Гедгаудайте на английский смысл обвинения искажился. В ее трактовке выходит так, что комикс покушается на «духовность» (spirituality) творчества Кондоглу (с. 123), хотя на самом деле речь идет об авторском праве.

того, почему спектакль снискал популярность. Греки действительно любят театр и драму (и не только греки). Здесь стоит обратить внимание на мелодраматический потенциал истории 1922 года: она, подобно самой Смирне, тиражируется, становится достоянием массовой культуры и вписывается в канон телевизионных сериалов и фильмов. Не зря Гедгаудайте упоминала множество сериалов, которые с 1970-х снимались в Греции по мотивам важнейших произведений о Малоазийской катастрофе. Когда историческое событие становится фоном для сюжета мелодрамы, это значит, что оно прочно занимает место в культурной памяти нации. Перефразируя Гедгаудайте и одного американца, Смирна – это трагедия, которая всегда с тобой.

Шестая глава начинается многообещающе: автор сообщает, что в 2015 году посетила греческий остров Лесбос. Изначально она планировала посетить его как «место памяти» (ведь именно Лесбос принял большинство малоазийских переселенцев в начале XX века), но застала там разгар миграционного кризиса, связанного с потоком беженцев из Африки и с Ближнего Востока. По сути, глава представляет собой анализ медиарепрезентаций миграционного кризиса 2015 года, по большей части – фотографий и газетных статей. В ней рассматривается, как параллели с 1922 годом становятся тропом политического популизма. Так, в качестве самого яркого примера автор приводит фото «бабушек с Лесбоса». На нем три пожилые женщины в черном сидят на скамье и кормят младенца из бутылочки, в то время как мать ребенка, женщина в мусульманских одеждах, стоит поодаль. Фотография мгновенно стала символом греческого гостеприимства и самоотверженной помощи беженцам; довольно скоро ее стали использовать и в политических целях. На фоне этого снимка тогдашний премьер-министр Греции Алексис Ципрас выступал с речью в аэропорту, после того как проводил первую партию беженцев из страны в Люксембург. Аргументы о греческой помощи беженцам всплывали в тот год и в ходе переговоров по долговой сделке. Далее в главе обсуждение миграционного вопроса выходит очень далеко за рамки *memory studies*, затрагивая вопросы об объективации беженцев и легитимности различных репрезентаций их опыта.

Последняя, седьмая, глава представляет собой краткое резюме предыдущих. Кажется, это хороший повод вернуться в начало и вспомнить, какими обещаниями предварялась содержательная часть исследования Гедгаудайте. В начале второй главы автор признается: «Моя цель – показать, что воспоминания о Малой Азии динамичны, изобретательны, отражают современные идеологии и отвечают современным проблемам» (с. 18). Поставленная задача показать действительно достигается, но каждая иллюстрация тонет в отсутствие методологической рефлексии. Как я уже упоминала, исторические вводные данные в книге даются не сразу – они появляются в конце второй главы. Остается загадкой, как до этого момента книгу воспринимал бы читатель, не знакомый с контекстом. Мне вообще сложно представить, кому эта книга в первую очередь адресована и какого уровня осведомленности Гедгаудайте ожидает от читателя. Кажется, для мало знакомого с историей малоазийского эллинизма читателя эта книга будет местами непонятна, а для знакомого – слишком очевидна и проста, хотя местами

небезынтересна. Все-таки ее основное преимущество в плане простого человеческого интереса от прочтения – фокус не на исторических событиях как таковых, а на их рецепции. И вот здесь мы спотыкаемся о вопрос: рецепции кем? Я не могу сказать, что это текст о рецепции малоазийской травмы всем греческим обществом. В разных частях книги мы говорим о рецепции этой памяти разнородными СМИ, греческими левыми, греческими правыми, артистами, авторами литературных текстов, авторами комиксов, политиками, в конце концов, самой Кристиной Гедгаудайте. У этих людей мало точек пересечения – они даже не все греки, и далеко не всегда малоазийского происхождения. Как будто бы главная мысль книги (память о Малой Азии в Греции остается важной составляющей национальной идентичности) слишком очевидна и самодостаточна. Гедгаудайте хочет усложнить картину, но периодическое заигрывание с турецкой историографией ни к чему не приводит, и аргументация остается на уровне «все не так однозначно воспринимается». Таким образом, прикрываясь волшебными словами *case studies*, автор собирает под предлогом «культурной» и «публичной» памяти разные ситуации и феномены в одну книгу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Петрунина, Ольга. 2010. *Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития*. М.: КДУ.
- Codde, Philippe. 2009. "Transmitted Holocaust Trauma: A Matter of Myth and Fairy Tales?" *European Judaism: A Journal for the New Europe* 42(1):62–75. <https://doi.org/10.3167/ej.2009.420107>.
- Hirsch, Marianne. 1997. *Family Frames: Photography, Narrative, and Postmemory*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hunter, Anna. 2013. "Tales from Over There: The Uses and Meanings of Fairy-Tales in Contemporary Holocaust Narrative." *Modernism/Modernity* 20(1):59–75. <https://doi.org/10.1353/mod.2013.0022>.
- Ράλλη, Νόρα. 2015. "Κληρονόμοι Κόντογλου εναντίον Soloup." *Η Εφημερίδα των Συντακτών*, May 22. https://www.efsyn.gr/tehnas/art-nea/27589_klironomoi-kontogloy-enantion-soloup.